

Цинь Цзыюй больше всего любил, когда Ли Гуаньцзин разговаривал с ним всерьёз. Только в такие моменты он чувствовал себя взрослым. Поскольку сейчас Ли Гуаньцзин задал вопрос с серьёзным видом, Цинь Цзыюй тоже надул щёки и ответил важно:

— Братец Цзин, сегодня я сбежал из дома, чтобы встретиться с одним человеком. Но одному идти страшновато. Пойдёшь со мной?

Ли Гуаньцзин молча взглянул на матушку и служанок, следовавших за Цинь Цзыюем, и предположил, что снаружи их тоже сопровождает немало слуг. Выходил весьма своеобразный «побег». Однако, видя надежду в глазах малыша, он не смог отказать. К тому же с такой свитой, да ещё с разрешения Цинь Байняня, в Чанъани, под самым боком у Сына Неба, ничего плохого случиться не могло. Ли Гуаньцзин согласился, отправил человека доложить княгине и, получив её одобрение, вся процессия двинулась в западную часть города.

Пока повозка неторопливо покачивалась на ухабах, Ли Гуаньцзин из объяснений Цинь Цзыюя примерно понял, к кому они направляются. Этим человеком был самый знаменитый в империи мастер-оружейник по имени Сюй Жуцзы. Говорили, его предки переняли истинную традицию школы Оу Ецзы, а в начале правления нынешней династии он выковал для императора меч из тёмного железа под названием «Чунсюй». Ли Цзин говорил, что тот меч до сих пор висит в зале Лянъи, так что, видимо, слухи — не пустой звук. Сам Сюй Жуцзы ничуть не уступал предкам и прославился на всю Поднебесную ещё в молодости. Венцом его творения было серебряное седло «Цзиюэ», из чего следовало, что лучше всего ему удавались именно сёдла.

Цинь Цзыюй с детства питал особую слабость к породистым скакунам, поэтому теперь, когда Сюй Жуцзы, покинув отшельничество, поселился в Чанъани, мальчик захотел навестить его, что было вполне естественно.

Лавка Сюй Жуцзы находилась на Западном рынке, а жил он тут же, по соседству, в квартале Яньшоу. Повозка остановилась у переулка шириной в одного человека. Все вышли, Ли Гуаньцзина и Цинь Цзыюя понесли на руках вглубь, к воротам небольшого дворика.

Бегло осмотревшись, Ли Гуаньцзин понял, что Сюй Жуцзы выбрал место с умом. Живя у самого Западного рынка, он, однако, скрывался от суеты. Дворик затаился в глубине переулка, но солнца здесь было вдоволь, сквозняк гулял спереди назад, так что даже летом, наверное, не было душно. Сейчас стояла прекрасная весна, и на огромной софоре во дворе распустились бледно-зелёные цветы. Проходящий восточный ветерок осыпал их лепестками, и те, кружась, ложились на плечи прохожих.

Будь Ли Гуаньцзин поэтом, эта картина наверняка вдохновила бы его на строфы.

Цзюй Ло подошла к воротам и постучала. Изнутри почти сразу слышались шаги. Дверь приоткрыл мальчик в синем холщовом халате. Увидев такую процессию, он, казалось, ничуть не удивился и отчеканил:

— Учитель велел передать: принимать посторонних он не должен, но поскольку господин Цинь связан с ним старой дружбой, он согласен повидаться с его чадом. Осмелюсь спросить, кто из вас — дитя господина Циня?

— Я, я! — закричал Цинь Цзыюй, заёрзав и сползая с рук матушки. Он подбежал к мальчику и уже собрался войти, но вдруг вспомнил о товарище. Остановившись, он указал на Ли Гуаньцзина:

— Можно мне взять с собой братца Цзина?

Мальчик кивнул:

— Учитель сказал: если придут двое юных господ, войти могут оба.

Цзюй Ло, беспокоясь за Ли Гуаньцзина, с улыбкой шагнула вперёд:

— Позвольте спросить, могу ли я последовать за ними?

Матушка Цинь Цзыюя тоже сделала шаг:

— И эта старуха хотела бы прислуживать юному господину.

Видимо, количество желающих превысило все мыслимые пределы. Мальчик надул губы, лицо его исказилось, он развернулся и, всхлипывая, побежал обратно во двор, крича на бегу:

— Учитель! Они все хотят войти! Что же делать?!

Ли Гуаньцзин молча взглянул на небо, подумав, что Сюй Жуцзы, нанявший такого привратника, должно быть, и сам человек незаурядный.

Дверь во внутренние покои открылась, и вышел худощавый мужчина в рабочем фартуке. Он с покорной усмешкой посмотрел на своего ученика и вздохнул:

— Ладно, ладно, я сам разберусь. А ты ступай на задний двор, следи за огнём.

Мальчик, утирая слёзы, послушно удалился.

Цзюй Ло шагнула вперёд и сделала изящный поклон:

— Должно быть, вы и есть великий мастер Сюй. Простите за беспокойство.

Сюй Жуцзы мягко ответил:

— Раз уж пришли, прошу всех войти.

Хотя мастер и пригласил всех, они не решились злоупотребить его гостеприимством. Внутри вошли лишь четверо, остальные остались ждать за воротами.

Сюй Жуцзя провёл Ли Гуаньцзина и Цинь Цзыюя посмотреть сёдла, после чего переоделся в чистую одежду. Вернувшись, он усадил всех под цветущей софорой, разлил воды и наконец уселся сам. Только тогда он по-настоящему, внимательно взглянул на Цинь Цзыюя. Посмотрел раз, другой, чем вызвал у мальчика недоумение. — Почему вы так на меня смотрите, учитель? — спросил Цинь Цзюй.

Сюй Жуцзы оказался прямым человеком:

— Ты очень похож на Цинь Цюэ.

Цинь Цюэ, также известный как Байнянь, был отцом Цинь Цзыюя и занимал должность императорского секретаря. Хоть пост и был всего лишь пятого ранга, никто не смел его недооценивать, тем более что он приходился родным братом наложнице Ли. В наше время тех, кто осмеливался называть его по имени без титула, можно было пересчитать по пальцам. Сюй Жуцзы же произнёс это имя так естественно, что Ли Гуаньцзин невольно приподнял бровь. Он скользнул взглядом по матушке Цинь Цзыюя и заметил, как та напряглась.

Услышав такую непочтительность, Цинь Цзыюй нахмурился:

— Я сын своего отца. Что тут удивительного?

Сюй Жуцзы не обратил на это внимания и спросил:

— У тебя есть родная сестра?

Цинь Цзыюй покачал головой. В их семье не держали наложниц, братьев и сестёр было мало — только старший брат Цинь Цзылюй.

Сюй Жуцзы многозначительно кивнул и больше не возвращался к этой теме. Все немного расслабились, слушая, как мастер рассказывает о тонкостях изготовления седел. Ли Гуаньцзин, позёвывая, терпеливо слушал и уже начал клевать носом, когда краем глаза заметил, как тот самый мальчик в синем халате, понурился и вышел с заднего двора.

Сюй Жуцзы, увлечённый разговором с Цинь Цзыюем, не обратил на это внимания. Ли Гуаньцзин скользнул взглядом и вдруг почувствовал, что походка мальчика какая-то странная. Он хотел разглядеть его получше, но в тот же миг мальчик метнулся вперёд, словно змея, и обхватил Ли Гуаньцзина. Тот лишь успел поднять руки, чтобы оттолкнуть его, как почувствовал острую боль под рёбрами — его ударили чем-то острым.

Сюй Жуцзы и остальные были людьми мирными, а мальчик двигался с пугающей быстротой. Ударив Ли Гуаньцзина, он тут же выхватил кинжал, отпрыгнул назад и перерезал себе горло.

Ли Гуаньцзин почувствовал, как боль разливается по всем внутренностям. Дышать стало нечем. Сознание поплыло. В последние мгновения он увидел, как Цзюй Ло схватила его руку и что-то кричала Сюй Жуцзы, а Цинь Цзыюй стоял рядом с открытым от ужаса ртом. Он хотел улыбнуться, чтобы их успокоить, но мир погрузился во тьму.

В полузабытьи, не ведая, сколько времени прошло, Ли Гуаньцзин постепенно начал слышать звуки вокруг, хотя и не мог разобрать слов. Голова раскалывалась от боли, ему то казалось, что он уже взрослый, то будто снова вернулся в семь лет. В бреду он простонал:

— Цзюй Ло...

— Очнулся! — Кто-то сжал его руку.

Ли Гуаньцзин с трудом разлепил веки. У постели сидел человек. Он на мгновение растерялся, не в силах вспомнить, что произошло. Сидевший отпустил его руку и молча смотрел на него, пока тот не пришёл в себя. — Как себя чувствуешь? — наконец спросил он.

Ли Гуаньцзин моргнул, узнав Ли Цзина. Вспомнив сон, он ощутил, как давняя душевная рана, будто посыпанная солью, заныла с новой силой. Цзюй Ло, спасая его тогда, перетянула ему живот поясом от одежды и ртом высасывала отравленную кровь. В конце концов Сюй Жуцзы спас ему жизнь, отдав единственную пилюлю, хранившую сердце. Но для Цзюй Ло такой возможности не нашлось — её жизнь навсегда осталась в тех годах.

Была глубокая ночь. За окном шелестел осенний дождь, отчего в комнате стояла особая тишина.

Ли Цзин, видя, как Ли Гуаньцзин пристально смотрит на него, тихо вздохнул:

— Цзюй Ло приснилась?

Ли Гуаньцзин на мгновение замер, затем кивнул и хрипло спросил:

— Что со мной было?

Ли Цзин помог ему приподняться, напоил водой и только тогда ответил:

— Отравление.

Взгляд Ли Гуаньцзина метнулся к трепещущему пламени свечи. Он помолчал, прежде чем спросить:

— Из-за той чашки чая?

— Чай был лишь проводником. — Ли Цзин сделал паузу, заметив, как Ли Гуаньцзин хмурится, и поспешил продолжить:

— Не только чай. В благовониях в вашей ложе тоже был тот же проводник.

— А Цзыюй и остальные...

— С ними всё в порядке.

Ли Гуаньцзин немного подумал и понял, что задал лишний вопрос. Раз это проводник, значит, действовал он только на отравленного. Он бессильно откинулся на подушки и прошептал:

— Кто же это? Уже столько лет прошло... Неужели всё ещё не оставят меня в покое? Что я такого сделал, что меня всё время хотят убить?

<http://bllate.org/book/15944/1425272>